

В. Д. КУЗЬМИНА

Источник повести о царице Персике

Повесть о царице Персике — одно из малоизученных произведений русской прозы первой половины XVIII в. Между тем в рукописных сборниках этой поры в настоящее время можно указать шесть ее списков.¹

Судя по записям и содержанию сборников, включающих повесть о царице Персике, большая часть их (три из пяти: сборник ГПБ, О.ХVII. 42; сборник в Усть-Цильме, виденный Н. Е. Ончуковым; сборник б. Киевской духовной академии) принадлежали севернорусским крестьянам. Рядом с повестью о Персике мы находим в них старинные апокрифы, «Александрию», древнерусские хождения в Иерусалим (игумена Даниила и Трифона Коробейникова), разнообразие легенды о чудесах. Первым отзвуком новых веяний в этих сборниках наряду с повестью о Персике являются отдельные новеллы из «Звезды пресветлой» и «Римских деяний» или повесть о Савве Грудцыне.

Как видно из содержания этих сборников, повесть о Персике в восприятии читателей XVIII в. сливалась с литературным наследием допетровской Руси. Там действительно и следует искать ее ближайший прототип.

Вопрос о непосредственном источнике повести о царице Персике до сих пор не разрешен окончательно.

Одни исследователи (А. Н. Веселовский, Е. Н. Елеонская) отмечали неизученность вопроса и указывали разнообразные параллели к этой повести.² Другие, основываясь на топографии произведения, искали прототип ее в Болгарии (Н. И. Петров, С. П. Розанов, первоначально А. И. Яцимирский).³

Позднее (1911 г.) А. И. Яцимирский отметил близость повести о Персике к аналогичной легенде из переводного сборника богородичных чудес «Грешных спасение», составленного в XVII в. Агапием Критяни-

¹ В дополнение к четырем ранее известным спискам (сборник Библиотеки Академии наук УССР в Киеве, о. л. 48/534; сборник ГПБ, О.ХVII. 42; сборник из собрания А. Д. Григорьева № 1, старообрядческий сборник в Усть-Цильме XVIII в.) следует отметить еще отрывок повести по сборнику ГИМ, № 1559 (лл. 72—73 об.) и старообрядческий сборник XIX в. из собрания ИРЛИ.

² А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной. — В кн.: А. Г а л а х о в. История русской словесности, т. 1, изд. 2-е. СПб., 1880, стр. 448—449; Е. Н. Е л е о н с к а я. Некоторые замечания о русских народных сказках. — Этнографическое обозрение, 1905, № 4, стр. 95—105.

³ Н. И. П е т р о в. О влиянии западноевропейской литературы на русскую. — Труды Киевской духовной академии. Киев, 1872, кн. 8, стр. 758; С. П. Р о з а н о в. (Рецензия). В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. — ИОРЯС. СПб., 1904, т. IX, кн. 4, стр. 377; А. И. Я ц и м и р с к и й. (Рецензия). В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. — Исторический вестник. СПб., 1905, т. 99, № 1, стр. 312—315.

ном.⁴ Это мнение в такой же общей форме было повторено затем (1929 г.) И. Фетисовым.⁵

Запись из старообрядческого сборника XVIII в. с указанием на латинский источник произведения⁶ совсем не привлекла внимания исследователей: никто не пытался сопоставить повесть о Персике с европейской средневековой беллетристикой.

Между тем исследователь средневекового письменного эпоса Г. Зухир еще в 1884 г., вслед за появлением изложения содержания повести Н. И. Петровым (1872) и А. Н. Веселовским (1880), ввел ее в круг аналогичных сюжетов европейской средневековой литературы,⁷ а комментаторы сказок бр. Grimm, И. Больте и Ю. Поливка (1913), классифицируя устные и литературные варианты сюжета «Безручка» («Manekine»), включили в их число русскую повесть о Персике.⁸

Эти указания, до сих пор выпадавшие из поля зрения русских исследователей, позволяют проверить глухое упоминание переписчика XVIII в. о возможном латинском источнике нашей повести, выяснив отношение произведения к ближайшим по содержанию обработкам того же сюжета (как чуда богоматери) в европейских литературах (сборники «Звезда пресветлая», «Грешных спасение», «Miracoli de la gloriosa verzene Maria», драма «Stella»).

Из пяти средневековых латинских обработок сюжета о невинно гонимой безрукой красавице лишь одна (exemplum «Salvatica», 1490) близка по содержанию к повести о Персике — преследовательницей героини в обоих случаях является мачеха. В четырех остальных произведениях (жизне короля Оффы около 1200 г.; История о короле франков и о его любви к дочери 1370 г.; Бартомео Фацио — ум. 1457 — История о происхождении войны между Галлами и Бриттами; Иоханнес Младший «Небесная лестница» 1480 г.) завязкой злоклучений невинно гонимой героини оказывается кровосмесительная любовь овдовевшего отца. Но до сих пор нет сведений о переводе exemplum «Salvatica» или хотя бы упоминания о нем в русской письменности XVII—XVIII вв. Равным образом документы не дают материалов для установления личности монаха Ерофия, который будто бы перевел повесть о Персике с латинского языка в московских школах в 1720 г. Окончательное суждение может дать параллельное изучение текста.

Вопрос о взаимосвязи итальянской легенды (сборник «Miracoli de la gloriosa verzene Maria», 1475) с ее драматической обработкой на итальянской сцене XVII в. (драма «Стелла») и чудом богоматери в сборнике Агапия Критянина «Грешных спасение» был выяснен югославским ученым П. Поповичем в 1907 г. Сопоставив эти три произведения, П. Попович показал, что драма «Стелла» и легенда Агапия имеют немало общих мотивов и деталей, отличающих их от изложения того же сюжета в сборнике «Miracoli...» (имя героини — Мария, беседа мачехи со слугой перед совершением преступления, обман мачехой Марии перед отъездом и т. д.). На основе этих наблюдений П. Попович пришел к выводу, что Агапий

⁴ А. И. Яцимирский. (Рецензия). П. Попович. Приповетка о девојци без руку. — ИОРЯС. СПб., 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 328—360.

⁵ И. Фетисов. Збірник легенд Агапія Критянина «'Αματωλῶν Σωτηρία» в українському та московському письменствах та народні словесности. — ВУАН. Записки історично-філологічного відділу. Киев, 1928—1929, кн. XXIII, стр. 76.

⁶ Н. Е. Ончуков. Печорская старина. — ИОРЯС. 1905, т. X, кн. 3, стр. 219.

⁷ Oeuvres poétiques de Philippe de Rémi sire de Beaumanoir, publiées par Hermann Suchier, t. I. Paris, 1884; introduction.

⁸ J. Bolte und J. Polivka. Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm. Leipzig, 1913, Bd. I, № 31, Mädchen ohne Hände, стр. 309.

Критянин видел представление драмы «Стелла» во время своего пребывания в Италии в 1639—1641 гг. и положил поэтому ее (а не легенду из «*Migacoli...*») в основу своего рассказа об исцелении богоматерью красавицы-безручки.⁹ Как известно, русский перевод сборника Агапия «Грешных спасение» был выполнен в Чудовом монастыре в Москве около 1693—1705 гг. иеродиаконном Иоанном Дамаскином и монахом Евфимием и распространялся в течение всего XVIII столетия.¹⁰

Параллельное сопоставление трех произведений (повесть о царевне Персике, легенда Агапия Критянина, exemplum «*Salvatica*»¹¹) позволяет прийти к следующим выводам об их взаимоотношении.

1. Все основные звенья фабулы близки в повести о Персике и в двух сопоставляемых легендах. Последовательность нарушена лишь один раз — в эпизоде исцеления. В обеих благочестивых легендах исцеление — награда за долготерпение. Именно поэтому сцена исцеления отнесена к концу (после возвращения мужа героини) и помещена перед самой встречей супругов. В связи с этим в обеих легендах сохранен образ отшельника, который приютил безрукую мать с двумя младенцами и питал их. Перенесение исцеления в повести о Персике к началу вторичного изгнания героини сделало ненужным образ отшельника.

2. Легенда об исцелении рук царицы фряжской из сборника Агапия Критянина обнаруживает более полное совпадение с повестью о Персике, чем exemplum «*Salvatica*». В последнем отсутствуют, например, некоторые эпизоды, равно имеющиеся у Агапия и в повести о Персике (молитва девушки к богородице после увечья; объяснение возникновения любви знатного юноши к спасенной им девушке: он пленен ее красотой и душевными качествами; психологическая мотивировка подмены писем; рассказ героини о своем происхождении и преследовании злой мачехой).

Другие эпизоды разработаны в легенде о Сальватике иначе, чем у Агапия и в повести о Персике, либо совсем не имеют там параллелей. Так, например, слуга, отрубивший Сальватике руки, берет с нее клятву никогда не возвращаться ко двору отца; муж Сальватики, уезжая по призыву короля, требует, чтобы родители обращались с его женой «*omni honore, favore e reverencia*». По возвращении муж Сальватики не сам отправляется на поиски жены с детьми, а посылает слугу, сопровождавшего Сальватику во второе изгнание, и грозит ему смертью, если тот не найдет госпожи; введен поэтому длинный диалог слуги с отшельником, который колеблется, отправлять ли Сальватику к мужу или нет; наконец, мотив подметного письма удвоен, подобно тому как это встречается в сказках.

⁹ P. Porović. La Manekine grecque et sa source italienne. — *Byzantinische Zeitschrift*. Leipzig, 1907, Bd. 16, стр. 150—155.

¹⁰ Подробнее см.: А. И. Соболевский. 1) Библиографические заметки. — *Чтения в Обществе Нестора-летописца*. Киев, 1900, кн. 14, в. 2, стр. 14—16, 2) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 337—338; И. Фетисов. Збірник легенд Агапія Критянина «*Ἀγρίππῶν Σωτηρία*» в українському та московському письменствах та народні словесности. — ВУАН. Записки історично-філологічного відділу. Киев, 1928—1929, кн. XIX, стр. 35. И. Фетисов указывает шесть списков русского перевода сборника «Грешных спасение» по рукописям XVIII—XIX вв.

¹¹ Сравнение произведено: для повести о царевне Персике по рукописи Библиотеки Академии наук УССР о. л. 48/534 (изд. В. В. Сиповским) с исправлениями по спискам ГПБ, О. XVII.42 и ГИМ, № 1559; для легенды Агапия Критянина по списку ГПБ. Q. I. 786, лл. 45—53 («Чудо первое на десять о царице фряжской, ея же отсечении руке исцели всесияльная владычица»), для exemplum «*Salvatica*» по рукописи 1490 г. Q. I. 350 б. Королевской университетской библиотеки в Бреславле (издано: J. Klapper. *Exempla aus Handschriften des Mittelalters*. Heidelberg, 1911, стр. 1—6). В данной статье текстологическая часть исследования опущена.

3. Сопоставление текстов подтверждает мнение о тесной связи повести с чудом Агапия. Указание переписчика XVIII в. о переводе повести с латинского языка монахом Ерофием должно быть признано неправильным, потому что единственный латинский текст легенды о Сальватике, близкий к повести о Персике, оказывается гораздо более далеким от нее, чем легенда Агапия.

4. Надо также отбросить гипотезу о сборнике «Звезда пресветлая» как возможном источнике повести о Персике. Там нет рассказа об исцелении отсеченных рук невинно гонимой девушки и отдельные легенды сближаются с повестью о Персике то общей схемой богородичного чуда, то отдельными его мотивами.

5. Все это путем исключения дает достаточное основание полагать, что повесть о Персике была создана в начале XVIII в. в России как творческая переделка легенды Агапия вскоре после перевода его сборника «Грешных спасение» на русский язык в московском Чудовом монастыре.

Сличение повести о Персике с легендой Агапия Критянина показывает, что русский автор начала XVIII в. во многом оказался самостоятельным.

Подобно другим повестям первой половины XVIII в., в повести о Персике события развертываются в разных странах (Болгария, «некое» государство от африкийских стран», Пефлагония, Рим), вопросам воспитания и просвещения придано существенное значение. Совсем иначе, чем в легенде Агапия, разработана любовная тема.

Автор повести о Персике в полном соответствии с русской повестью, лирикой и драмой первой половины XVIII в. стремится подчеркнуть напряженность любовных переживаний персонажей, увеличивает количество чувствительных сцен, нагнетает элементы чувствительности (слезы, отчаяние, попытки самоубийства; отчаяние, «изумление» — временное сумасшествие; обморок, падение к ногам), охотно вводит в язык произведения слова из новой деловой речи («министры», «резолуция», «обычай гражданские и политические», «триумф» и т. п.) и модной галантной лексики («уязвится сердечной любовью», «болезнь сердечная сдает сердце» и др.).

Сохраняя благочестивый колорит, навеянный греческим источником XVII в., автор повести о Персике создает произведение, которое под его пером из легенды о богородичном чуде превращается в любовно-авантюрное повествование и оказывается ближе к произведениям типа Повести о российском матросе Василии Кириацком, чем к жанру средневековой легенды о чуде богоматери.